САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

Ирина Мясникова

Ирина Николаевна Мясникова
Самый опасный возраст

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36391758

Аннотация

Даше Смирновой двадцать два года, её маме Елене Михайловне Смирновой сорок два, а бабушке Валентине Григорьевне Смирновой аж целых шестьдесят два. У кого из девушек Смирновых самый опасный возраст? Когда у тебя ещё всё впереди, или когда уже нечего терять?

Ирина Мясникова
Самый опасный возраст

Дарья Александровна Смирнова, провизор, двадцати двух лет отроду откровенно недолюбливала старух. Разумеется, в культурной столице России, городе Санкт-Петербурге трудно встретить настоящую бабулю, то есть, уютную такую старушку в белом платочке с румяными щёчками и добрыми глазами. Таких бабуль обычно изображают на иллюстрациях к детским сказкам. В Питере же всё больше попадаются ухоженные дамочки почтенного возраста в манерных кепи или шляпках, имеются также престарелые тётки в мохеровых шапках, которых в последнее время часто показывают по телевизору на разнообразных протестах оскорбленной чем-то общественности, но еще присутствуют и старухи. Старуха может оказаться и в манерном кепи, и в простецкой мохеровой шапке. Главное её отличие от остальных престарелых особей женского пола – злоба и почему-то невероятная глупость. Злоба странным образом сочетается в старухах именно с глупостью. Конечно, глупость старух можно было бы объяснить старческим маразмом, деменцией, болезнью Альцгеймера и прочими заболеваниями головного мозга, но Дарья подозревала, что дело не в болезнях. Если женщина с юности глупая и злая, то со временем эти качества в ней прогрессируют, и она непременно превращается в старуху.

Она может быть бедной или богатой, образованной или не очень, итог всё равно один – Гарпия, ну, или ведьма, если вам угодно.

Старухи с завидной регулярностью отравляли жизнь Дарьи Смирновой, являясь к её месту работы, в аптеку торгового центра, расположенную рядом с гипермаркетом. Торговый центр находился в большом спальном районе одной из новостроек Санкт-Петербурга. Покупателей было много, соответственно и старухи среди них тоже были представлены в ассортименте. Как и положено, большинство посетителей аптеки возмущались ценами или отсутствием нужных лекарств, но только старухи обвиняли в этом именно Дарью и грозили ей прокуратурой. Только старухи требовали вернуть им деньги за лекарства, которые почему-то не помогают. Причём излагали они свои требования громко, периодически впадая в истерику, и грозно сверкая глазами.

Заведующая аптекой Светлана Ивановна, имеющая огромный стаж борьбы со старухами, разумеется, инструктировала сотрудниц аптеки, как выживать в этой борьбе, но и её опыт не всегда мог помочь. Ну, как тут сложишь пальцы в замысловатый кукиш, чтобы защититься от вампира, коими Светлана Ивановна справедливо именовала визгливых старух, если у тебя в руках какие-нибудь лекарства, чеки и рецепты, которые тебе эта самая старуха всучила? Поэтому иногда Дарья после визита какой-нибудь очередной старухи чувствовала себя просто обессиленной, как будто из неё и

вправду выпили если не кровь, то часть жизни точно. В такие моменты она проклинала своё решение пойти работать в аптеку после окончания химико-фармацевтической академии.

В свое время Дарья мечтала работать на фармацевтическом производстве или в исследовательской лаборатории и создавать новые лекарства. Помогать людям, бороться с пока ещё неизлечимыми болезнями типа рака или СПИДа. В конце концов, уж если не рак победить, то хотя бы найти универсальное лекарство от гриппа, чтоб победить эту заразу раз и навсегда! И не просто заниматься этим где-нибудь в нашем захолустье, а поехать за границу, на передовые рубежи науки. Ха! Три раза. Нет, конечно, Нинка, дочка маминого начальника Берёзкина, с которой Дарья училась на одном курсе, сейчас аж в самой Англии, в крупной фармацевтической компании пристроилась. Вернее пристроена. Фиг бы там она сама пристроилась. С её-то оценками! Папаша Березкин с кем надо переговорил, те тоже кого надо попросили, и вот вам счастье – Нинка в Лондоне! Дарья не то, что в Лондон, она и на скромную Индию согласна, только её папенька ни с кем таким переговорить не в состоянии. Говорит он, правда, много и правильно, но только не совсем понятно о чем. Можно было бы и папашу Березкина попросить, чтоб не одну Нинку пристроил, а ещё и Дарью до кучи, но Березкина просить себе дороже. Березкин большой специалист по тому самому харассменту. Практически весь руководимый им институт оприходовал, за исключением особо ценных специа-

листов. Мама Дарьи – именно ценный специалист, так что на регулярные поползновения Березкина она отвечает колокольным звоном и большим кукишем. Не специальным, который от вампиров, а обычным, который от непрошенных любовников. Если ты ценный специалист, тебе никакой харассмент не страшен, даже если у тебя ноги от ушей растут. У мамы Дарьи с ногами всё в порядке, впрочем, как и у бабушки Дарьи, и у самой Дарьи. Но так как Дарья сама ещё никакой не ценный специалист, то просить за неё Березкина, это напроситься на его приставания, соответственно мама этого делать ни за что не будет. Так что Дарье придется пробиваться самой, как это в свое время делали мама и бабушка. А куда тут пробиваться? В заведующие аптекой? Тоже мне, предел мечтаний! Светлана Ивановна наравне со всеми у прилавка пашет да и зарабатывает немногим больше, зато ответственности у неё вагон. Или дальше пойти и стать заведующей аптечной сетью? Так там уже своих полно, хозяйских родственников или этих, ну, которые через харассмент. Хорошее слово. Бабушка смеется, говорит, научное. Раньше, говорит, это называлось по-простому «через койку».

Конечно, в Питере имелись фармацевтические компании, которые буквально зазывали к себе выпускников. Одна Дашина знакомая, которая училась годом старше, попытала там счастья, потом исплевалась вся. Говорит, текучка бешеная, потому и приглашают выпускников «на новенького»

за копейки, разработки все основаны на старых советских изысканиях прошлого века, зарплаты низкие, отношение к персоналу хамское. То есть, по всему видать освоение бюджетных денег с имитацией бурной деятельности. Вот Дарья и решила идти в аптеку, благо в аптеках провизоры требовались. Аптека, в которую Дарья в результате устроилась, входила в состав большой разветвленной сети, сеть отличалась относительно высокими ценами, что компенсировалось широчайшим ассортиментом товаров и отсутствием просроченных лекарств. Кроме того работникам аптеки полагалась красивая униформа. Правда, в аптеку Дарья всё же пошла неспроста, а с некоторым прицелом. Двоюродная сестра Дашиной бабушки руководила аптечной сетью в Москве, и сеть эта мыслила заход на Питер. Но это еще когда будет, да и вообще, как говорится, бабушка надвое сказала.

Кроме старух и смутных карьерных перспектив, Дарью беспокоило еще и отсутствие личной жизни. Полнейшее отсутствие. Несмотря на ноги и всё остальное. Дарья, конечно, не Мэрилин Монро, но и не лошадь страшная типа некоторых голливудских «икон стиля», на которых без смеха не взглянешь. Мама с бабушкой в свое время очень радовались, что девочка у них удалась и не подкачала. А толку-то? Понятно, что принц на белом коне уже не является пределом мечтаний современной девушки, но и про олигарха на белой яхте могут мечтать только дурочки колхозные. Во-первых, Дарья, конечно, любит деньги и сопутствующий им тотал-

ный комфорт, но не до такой степени, чтобы за них жить с жабой пупырчатой. Во-вторых, чтобы до этой жабы добраться и продаться за те самые деньги, тоже харассмент будь здоров! Олигархи пупырчатые по аптекам не ходят. Дети олигархические тоже обычно меж собой тусуются, на провизоров и фармацевтов чумазых, которые частные самолеты в глаза не видели, не заглядываются, да и о чем ей с ними разговаривать? У них своя жизнь и свои интересы. Им деньги зарабатывать не надо, они их у папы берут. Вот Дарья и мечтала о том, не знаю о ком. Но уж точно, не об охраннике торгового центра Валере, который весь рабочий день около аптеки трётся. Что это за работа для мужика? Хотя в том, что Валера регулярно провожает её до метро, есть свои плюсы. Недавно одну кассиршу после работы по дороге к автобусу по голове стукнули и ограбили. У Дарьи, ясное дело, грабить нечего, но кто ж об этом знает? Дадут по голове и капец. Голова Дарье еще пригодится, ведь впереди целая жизнь, и самое интересное только начинается. Несмотря на отсутствие перспектив, Дарья со свойственным молодости оптимизмом верила, что впереди у неё будет много чего хорошего.

В последний рабочий день перед новогодними праздниками в аптеку, разумеется, припёрлась старуха с длинным списком требующихся ей препаратов. Она долго выясняла, какой из них зачем, какие у каждого побочные действия, сравнивала цены на аналоги. За старухой скопилась очередь, которая вздыхала и шипела. Дарья, засунув руку со специ-

альной антивампирской фигой в карман униформы, терпеливо отвечала на вопросы старухи, пока та не сделала Дарье замечание, что держать руки в карманах неприлично. Стоящий за старухой мужчина руководящего вида в очках, в свою очередь сделал замечание старухе о том, что она в аптеке, а не в справочном. Мужчину немедленно поддержала вся очередь, посылая старуху к доктору и в медицинскую энциклопедию. Старуха, явно, только того и ждала, она разразилась тирадой про невоспитанную современную молодежь, поганых либералов, пятую колонну и пригрозила всем прокуратурой. Впервые Дарье стало смешно, наверное, от поддержки очереди. Старуха кричала, что в Советском Союзе такого хамства и таких заоблачных цен не было, мужчина руководящим голосом говорил, что в Советском Союзе и лекарств толком не было, только по блату. Тут очередь разделилась на тех, кто за Советский Союз и тех, кто против. Одни доказывали, что все необходимые лекарства имелись, и врачи были не чета нынешним, другие рассказывали ужасы про советскую медицину. Когда дискуссия перешла к отсутствию туалетной бумаги и космическим достижениям, в дверях показался охранник Валера с ехидным вопросом:

– Граждане! У вас есть разрешение на митинг?!

– Да, пошёл ты! – хором ответили граждане.

Валера поднял руки вверх и удалился.

– Кто следующий? – поинтересовалась Дарья.

– Гептрал, – сообщил мужчина.

– Таблетки или ампулы? – уточнила Дарья.

– Таблетки.

– Тысяча семьсот двадцать, – сообщила Дарья и положила на прилавок упаковку.

– Па-а-азвольте! – вскричала старуха. – Я ещё не закончила.

– Не позволю! – рявкнул мужчина, передавая Дарье деньги.

Дарья быстро пробила чек, отсчитала сдачу и выдала мужчине лекарство.

– Хам! – Старуха грозно сверкнула глазами в спину удаляющегося мужчины.

Мужчина вдруг резко обернулся и показал старухе тот самый замысловатый кукиш от вампиров. Старуха позеленела, или Дарье это показалось, потом взялась за сердце и потребовала у Дарьи Кардиомагнил. Дарья назвала цену, старуха охнула, но расплатилась карточкой Сбербанка для пенсионеров.

Когда старуха выходила из аптеки, сгорбленная, шаркая кривыми ногами, Дарье вдруг стало её жалко. Такой она казалась одинокой и никому не нужной. Дарья представила несчастную женщину, которую жизнь била, била и вот, наконец, добила. Осталась она одна-одинёшенька. А с другой стороны, вдруг она одинокая из-за своего вредного характера? Разогнала всех родных или угробила? Поди, разберись теперь! Бабушка Дарью учит, что каждый сам кузнец свое-

го счастья. Если исходить из этого, то и мама, и сама бабушка еще те кузнецы. Что-то особого счастья себе не наковали. Ну, у мамы-то еще не всё потеряно, а вот бабуле вряд ли уже счастье привалит. В смысле личной жизни, разумеется. Другого счастья Дарья себе как-то не представляла. Конечно, хорошо иметь поместья разные, яхты, дворцы или ещё чего там такое есть, о чем Дарья даже представленья не имеет, но если ты на этой яхте сидишь в стороне ото всех, завернувшись в одеяло, и тоскливо смотришь вдаль, то кому такое счастье надо?

Остаток предпраздничного дня пролетел незаметно. Старухи больше не появлялись. Зашла пара сопливых студентов, которые вовсю чихали, распространяя вокруг себя вирусы, обычно поражающие питерских жителей в праздничные новогодние дни. Иногда даже школьные зимние каникулы продлевают из-за эпидемии гриппа. Раньше бы Дарья порекомендовала студентам копеечные медицинские маски, чтоб не распространять заразу, но после того, как её пару раз послали с этими масками такие же вот сопляки, она перестала заниматься просветительством и профилактикой эпидемий. Самой Дарье вирус был не страшен. Во-первых, она имела прививку от гриппа, во-вторых, в носу у неё предусмотрительно был закапан необходимый препарат для профилактики вирусных заболеваний. Дарья выдала студентам требуемые таблетки, и те довольные убрались восвояси. После их ухода, можно было уже собираться и двигать в сторо-

ну дома.

Как только Дарья вместе с фармацевтом Галиной закрыли входную дверь, как обычно в дни его дежурства, откуда ни возьмись, появился охранник Валера. Галина хихикнула, попрощалась с Дарьей и убежала. Валера пошёл сопровождать Дарью к метро и поинтересовался её графиком работы в праздники. График у Дарьи был, что надо! Во-первых, аптека закрывалась на новогодние праздники вместе с торговым центром и гипермаркетом, а во-вторых, Дарья работала два через два, и именно её выходные дни начинались именно в тот момент, когда аптека должна была открыться после Нового года. Так что у неё впервые случились полноценные каникулы. То есть, на работу ей предстояло выйти только пятого числа.

Валера огорчился, что их графики в этот раз не совпадают, и спросил, где она планирует отмечать Новый год.

– В хибару с мамой и бабушкой поедем, – честно призналась Дарья, хоть ей и хотелось логично ответить Валере про не его собачье дело. Но Дарья являлась девушкой воспитанной и просто так никому не хамила. Тем более Валере, который ей ничего плохого в принципе не сделал.

– Куда? – удивился Валера.

– На дачу, – пояснила Дарья. – Мы её хибарой зовем. Ну, она хибара и есть. Не коттедж, совсем не коттедж, правда, с удобствами. Там плюсов-то всего, что в лесу и от города не очень далеко. Практически рядом.

– В лесу это здорово! – Валера тяжело вздохнул и зажмурился. – Я бы хотел Новый год в лесу встречать. Вы ёлку наряжаете?

– Обязательно. У нас их много. Одна подрастет, следующую наряжаем. Меня припашут, это моя обязанность.

– Хорошая обязанность.

– А ты, где праздновать будешь? – из вежливости поинтересовалась Дарья. Ей, мягко говоря, было по барабану, где и как Валера будет праздновать Новый год.

– Дома с телевизором.

– Ну, мы тоже без телевизора не обойдемся. Бабуля у меня хоть и продвинутая, но считает, что Новый год именно по телевизору наступает. Надо всем встать из-за стола и закричать хором «ура». Без этого никак.

– Конечно никак! А как же ещё?

– Ну, не знаю.

– Я с телевизором «ура» крикну и к ребятам пойду. Мы в сквере обычно собираемся, будем петарды запускать. Я в нашем гипермаркете такой салютище оторвал со скидкой.

– Я тоже у них там, в спецотделе купила, правда, без скидки. Мама очень любит салюты эти.

– Что ж ты мне не сказала? Я б тебе со скидкой устроил. У них для сотрудников скидки очень приличные. В гипермаркете своя охрана полностью не укомплектована, мы на подхвате, вот нам типа бонуса. Скидки на продукты тоже, как для сотрудников. Ты имей в виду, если чего надо, обращайся.

– Буду знать, спасибо, – опять же из вежливости поблагодарила Дарья. Конечно, она никогда ничего у него просить не будет. А вот, наконец, и метро. – Спасибо, что проводил. С Новым годом! – Дарья помахала Валере рукой и нырнула в подземку, не дожидаясь ответа.

Валера горестно вздохнул, сунул руки в карманы, как-то вдруг ссутулился и побрел в сторону дома, но этого Дарья уже не видела.

* * *

Елена Михайловна Смирнова, инженер, сорока двух лет отроду откровенно недолюбливала раздолбаев, то есть людей легкомысленных и необязательных. Ведь эти люди постоянно позволяли себе опаздывать, срывали сроки, не выполняли взятые на себя обязательства, и что самое страшное врали иногда напропалую. Естественно сама Елена Михайловна отличалась завидной пунктуальностью. Обязательный человек никогда не опаздывает и держит слово, соответственно, ему можно поручить важное дело. Именно с такими людьми она предпочитала общаться. Главной причиной, по которой она в свое время развелась с мужем, явилось именно его тотальное раздолбайство. На этого человека нельзя было положиться ни в одном ответственном деле. Ну, как скажите доверять человеку, который может опоздать на сорок минут? На час? На два? Или вообще уехать куда-нибудь в

командировку и никому об этом не сказать! С таким человеком ни жить, ни тем более работать практически невозможно. Себе дороже. Елена Михайловна справедливо полагала, что подобный тип может оказаться на руководящем посту только исключительно волей случая или по большому блату. По очень большому блату. В проектном институте, в котором трудилась Елена Михайловна, блатные господа и дамы, конечно, имелись, но блатные не до такой степени. Туповатого можно поправить, дилетанта подучить, а вот что прикажете делать с вечно опаздывающим вруном? Мыслимое ли дело не сдать работу в срок, или того хуже опоздать на важные переговоры? Поэтому если судьба вдруг сталкивала Елену Михайловну с такими вот опоздальцами и необязательными людьми, она прекращала отношения моментально.

Видимо благодаря своей ответственности, пунктуальности, обязательности и надежности, Елена Михайловна в своем проектном институте доросла до должности главного инженера проекта. Она умела организовать работу и обеспечить её чёткое выполнение в соответствие с графиком, или диаграммой Ганта, как сейчас принято это называть. На работе Елену Михайловну ценили, и соответственно, хорошо платили. Сотрудникам отделов нравилось работать над объектами Смирновой, а конкуренты периодически предпринимали попытки переманить её к себе. Обещали и зарплату повыше, и премии побольше, и медицинскую страховку получше, и, страшно сказать, отдельный кабинет со столом для пе-

реговоров. Смирнова на уговоры не поддавалась. Пока. Она не то чтобы шибко любила свои объекты и заводы, которые вела, просто сработалась уже. Знала людей, города, гостиницы, привыкла к перелетам. В другой компании пришлось бы выстраивать отношения заново. И с заказчиками, и с сотрудниками. Своих-то она знала, как тех самых облупленных. Ну, тех, про которых Андерсен ещё в сказке писал «позолота вся сотрется, свинья кожа остается». Знала, где у кого какая свинья кожа и в каком именно месте. Имела представление обо всех подводных камнях и течениях, кому какая работа по силам, а от кого можно ожидать подвоха.

Поначалу ведь было очень тяжело. Пока собственное начальство поняло, что она потянет, пока заказчики в неё поверили. Ведь не секрет, что женщинам доверие есть только при укладке асфальта или переносе шпал, в крайнем случае, в доставке кофе начальству. Раньше даже в этом самом практически женском институте все руководящие посты занимали мужчины. Должности начальника отдела или главного инженера проекта женщинам даже не снились. В лучшем случае главный специалист отдела или заместитель главного инженера проекта. Помогла Перестройка. Руководящие мужчины расползлись по совместным и частным предприятиям, а их место заняли женщины. И ничего, продолжилась работа, отрасль не замерла и не загнулась. Благо отрасль в стране ведущая, та самая, которая обеспечивает государству регулярные валютные поступления.

Тут надо, конечно, отдать должное прежнему директору института. Он не дал перестроечным ветрам развалить институт и сделать из его замечательного здания бизнес-центр. Что да, то да! Но, к сожалению, прежний директор слегка на руководстве притомился и несколько лет назад вышел на пенсию, а на его место назначили господина-товарища или товарища-господина по фамилии Березкин, бывшего комсомольского функционера, или, как раньше говорили, вожака. Ну, куда ж в руководстве института без вожака, да ещё с профильной кандидатской диссертацией? Уж как там писались диссертации в лихие девяностые всем известно, но это дело десятое. Даже то, что диссертация Березкина была посвящена не самим технологическим процессам отрасли, а их истории, никого не смущала. Пошипели, пошипели, что, мол, Березкин – кандидат исторических наук, да успокоились. Смущало другое. У господина-товарища Березкина имелся очень серьёзный недостаток. Слаб был директор на передок и, соответственно, охоч до прекрасного пола. Просто сам не свой. И уж в проектном-то институте, где основной костяк составляют женщины, Березкин расцвёл, что тот самый козел в огороде. А уже в силу этой его слабости поселились в институте три беды. Первая – это жена Березкина Людмила. Женщина отсутствующей внешности, зато запоминающаяся своим вредоносным характером. Внешность Людмилы запомнить было никак нельзя даже при всём желании, этакая моль бесцветная, а вот её зловредный характер у

всех сидел в печенках. И всё бы ничего, если б Людмила стараниями Березкина не занимала в институте должность владычицы морской, то есть, главного технолога. Она бы и место директора заняла, только кто ж ей это позволит. Нет, Березкин бы конечно позволил, облажался бы в очередной раз с очередной дамочкой и тут же позволил. Однако на, Людмила, выкуси! Над Березкиным возвышался какой никакой Совет директоров. Институт-то не его лично собственный, а практически государственный.

Второй бедой института являлась главная любовница Березкина Ираида. Она занимала должность начальника отдела информационных технологий. Уж отдел-то отдел – смех один. Ираида и два программиста. Однако качество работы этого отдела каждый сотрудник института постоянно ощущал на собственной шкуре. Дорогое и сложное программное обеспечение периодически висло и отказывалось работать, внутренняя сеть постоянно сбоила. Проще было флэшку с этажа на этаж отнести, чем отправить материалы по внутренней сети. Ираида внешность имела схожую с Людмилой, то есть, никакую, и обладала таким же, как и у Людмилы злокозненным характером.

На этом тяга Березкина к никакущим вредным бабам, видимо, исчерпывалась, и далее он окружал своим вниманием уже женщин ярких и притягательных. Отсюда произрастала и третья беда института. Никогда было неизвестно, кто сегодня любимая жена, а кто отставленная. То есть, всегда мож-

но было нарваться на странное высокомерие или злобное хамство. Коллектив бурлил сплетнями, что на взгляд Елены Михайловны, совершенно не способствовало дружной и слаженной работе. Увлечения Березкина длились иногда месяцами, а иногда ограничивались неделькой-другой.

Естественно своим вниманием он не обошёл и Елену Михайловну, однако обломался, так как сразу был решительно и бесповоротно отвергнут. Более того Елена Михайловна чётко дала понять несостоявшемуся ухажёру, что сразу подаст заявление на увольнение и уйдет к конкурентам. Ещё и коекого из мелких заказчиков с собой прихватит. С тех пор Березкин свои поползновения оставил, но обиду затаил. Поэтому, хоть Елена Михайловна в соответствии со штатным расписанием и зарабатывала очень прилично, просто дай Бог каждому, как зарабатывала, но интересные зарубежные командировки видела, как свои уши. В эти командировки вместо Елены Михайловны ездила обычно мадам Березкина или кто-нибудь из начальников профильных отделов, а то и вовсе даже Ираида, что невероятно затрудняло работу Елены Михайловны. Ведь человека необходимо было сначала к этой командировке подготовить, а потом ещё вытрясти из него сведения, полученные в той самой интересной командировке. Зато все командировки совершенно не интересные, в Западную Сибирь, в холод, в мороз и непогоду числились за Смирновой. Это она с бригадой таких же невыездных дам-проектировщиц прыгала с вертолета в снег и метель. Она си-

дела в аэропортах, пережидая нелетную погоду, она в изнуряющую жару жила в гостиницах без кондиционеров. Она по пояс в снегу или грязи лазила вместе с заказчиками по стройплощадкам. Однако на пуски построенных ею установок и заводов, перерезать красную ленточку ездил исключительно сам Березкин. Конечно, ленточку перерезал не он, а какой-нибудь очень большой босс, но это перерезание обязательно сопровождалось банкетом и здравницами в честь строителей и проектировщиков. Так что в результате всего этого логично предположить, что Елена Михайловна всё-таки косила одним глазом в сторону работы у конкурентов.

Только один раз Елене Михайловне удалось попасть на торжественное мероприятие с банкетом и здравницами. Березкин не смог разорваться между пуском новой установки и командировкой в Лондон. Он выбрал Лондон, а Смирновой выпало таки лететь на пуск. Отправить туда Людмилу не представлялось возможным, так как там её никто знать не знал, и ведать не ведал. Да и Людмила сама бы ни за что не поехала, то ж Сибирь, а не заграница! На пуске Елене Михайловне понравилось, а особенно ей понравился тот самый-самый важный босс, который перерезал ленточку. Очень симпатичный такой олигарх с умными глазами. Этими самыми глазами он поглядывал на Елену Михайловну. Можно прямо сказать, заглядывался. И Елена Михайловна уже предвкушала, как она на банкете познакомится с олигархом, а потом всем об этом расскажет, однако выяснилось,

что олигарх с руководством завода и города отправится на один банкет, а Елена Михайловна со строителями и руководством помельче на другой. Олигарх проводил Елену Михайловну тоскливым взглядом, и Елена Михайловна ответила ему тем же. Правда, потом главный инженер завода всё же утёк с банкета для большого начальства на банкет для простого люда, но Олигарху, видимо, это не удалось. Ну, как бы он незаметно оттуда свалил вместе с толпой охраны, если он там главная персона и все вокруг него вьются и лебезят? Эх, у олигархов свои проблемы.

Соответственно и у Елены Михайловны кроме проблем с карьерой из-за поползновений Березкина, существовала еще и проблема личной жизни. С олигархом ей познакомиться не удалось, а больше как-то знакомиться было не с кем, да и не особо хотелось. На заводах, конечно, к ней проявляли интерес и местные фраеры, и заезжие иностранные командировочные, но весь этот флирт был откровенно несерьёзным. Тратить себя на такие вот мимолетные связи означало испортить себе репутацию, а своей репутацией Елена Михайловна очень дорожила. Так что со временем в профессиональной среде распространилась информация, что Смирнова женщина серьёзная и придерживается строгих правил. Так и сидела она одна-одинешенька со своими строгими правилами.

В этом году тридцать первое декабря выпадало на воскресенье, что не давало возможности Березкину устроить аврал и заставить всех работать часов до восьми вечера, как он лю-

бил это учудить в прошлые годы. Более того, уже тридцатого декабря в субботу можно было спокойно подготовиться к празднику. А то вечно бежишь с работы, как чумная, убираешься в доме, потом начинаешь резать сваренные накануне с вечера овощи, и к началу мероприятия у тебя уже болит и отваливается абсолютно всё, и Новый год тебе уже не нужен, а хочется завалиться спать и спать часов этак двенадцать, никак не меньше. Так что в эту пятницу Березкин мог изгаляться на всю катушку. Что он и сделал, несмотря на официально провозглашенный предпраздничный короткий день.

Елена Михайловна сидела в комнате главных инженеров, ожидая совещания, назначенного Березкиным на полпятого, вместе со Львом Ароновичем Штейманом, старейшим главным инженером проекта в институте. Остальные главные инженеры в количестве двух штук, кто как, ухитрились отвертеться от последнего в году рабочего дня и непременного ежегодного выступления Березкина перед руководством института про достижения коллектива в прошедшем году. Обычно при таких выступлениях Березкин брал пример с главного руководителя страны. Говорил значительно, с нажимом и пытался выглядеть всезнающим чекистом.

– Еленочка Михайловна! – в комнату главных инженеров ввалился Славик заместитель Смирновой. – А можно я уже потихонечку того-этого? Меня ж на совещание не приглашали.

Славик смотрел жалостно.

– А вдруг Елене Михайловне зададут вопрос, на который она не сможет ответить, не позвонив своему заместителю? – спросил Лев Аронович. – И не просто позвонив ему куда-нибудь на Марс, а чтоб заместитель этот в документах порылся, справочку посмотрел?

– Наша Елена Михайловна знает ответы на все вопросы. – Лицо Славика удивительным образом трансформировалось в лисью мордочку. – В крайнем случае наврет чего-нибудь. Кто ж её проверит?

– Иди, хитрая морда! – разрешила Елена Михайловна.

Славик радостно подпрыгнул на месте, послал начальнице пачку воздушных поцелуев, подхватил портфель, провозгласил:

– С Новым годом! С новым счастьем! – И исчез за дверью.

– Ох уж эта молодежь! – Лев Аронович тяжело вздохнул. – Ему б в театре работать да в кино сниматься. Смотри, Лен, не ровен час подсидит тебя этот артист.

– Не подсидит, он хороший мальчик.

Мальчику было тридцать лет, он нравился Елене Михайловне пунктуальностью и смышленостью. Конечно, он мог её подсидеть, но не сейчас, а лет этак через пять. Для того, чтобы подсидеть, надо заслужить доверие сотрудников и заказчиков. Да и Березкин, несмотря на свои обиды на Смирнову, никогда такого не позволит. Она ж ему всё равно нравится. Ему интересней перед ней на оперативках выпендриваться, чем перед каким-то там Славиком.

– Лев Аронович, не знаете, чего это наш начальник всего лишь на полпятого совещание назначил? Мог бы ведь и попозже нам про успехи доложить, часиков этак в шесть-семь. В своем стиле.

Елена Михайловна странным образом всегда оказывалась в стороне от институтских сплетен и слухов, зато Лев Аронович постоянно был в курсе.

– А он с мадам Березкиной в Мексику наладился на новогодние праздники. Вскорости прямо с работы в аэропорт проследуют. Более того, мы с вами сможем лицезреть нашего солнцеликого только пятнадцатого числа!

– Господи! Какое счастье. Однако пятнадцатого нам с вами мало не покажется. Мадам Березкина за эти дни выклюет ему всю печень. Он приедет и сразу за нас примется. Граф Дракула.

– А мы ему на это специальный кукиш покажем. Первое средство от вампиров.

– Что за кукиш? Почему не знаю?

– Леночка! Это же самые азы нашей профессии. Приходите на совещание, складываете пальцы таким вот образом… – Лев Аронович продемонстрировал Смирновой фигуру из пяти пальцев, – и вам никакой вампир не страшен. Тем более вы женщина, вам сиё нужно исполнять на левой руке. Мужчинам сложнее, у них задействована правая. Правой рукой сложно одновременно и ручку держать, чтоб умные мысли начальства записывать, и кукиш вертеть.

Раздался звонок внутреннего телефона, секретарша Березкина пригласила всех пройти в начальственный кабинет.

– Раньше сядешь – раньше выйдешь, – справедливо заметил Лев Аронович.

Ничего неожиданного в кабинете директора не произошло. Березкин, как обычно пространно вещал про успехи, собравшиеся, кто как, старались не заснуть. Елена Михайловна старательно сложила кукиш, которому её научил Штейман, и странным образом засыпать перестала. Она представила, как завтра вместе с мамой и дочкой они спокойно, еще засветло, поедут на дачу, натопят дом, нарядят ёлку, перекусят, завалятся спать и проспят безо всякого будильника хоть до самого обеда.

– А вот замещать Людмилу Алексеевну Березкину на время её отсутствия будет Смирнова.

Услышав свою фамилию, Елена Михайловна вздрогнула и даже слегка подпрыгнула на стуле.

– Как Смирнова?! Я ж не технолог, – сообщила она жалостным голосом то, что все присутствующие и так прекрасно знали.

– Разберешься, – твердо заявил Березкин, как отрезал, и посмотрел на Елену Михайловну значительным чекистским взглядом. – Уж если Людка справляется, то ты тем более.

Елене Михайловне захотелось проснуться от звона будильника у себя дома в кроватке, она испуганно посмотрела по сторонам, мадам Березкина на совещании отсутствовала.

Елена Михайловна облегченно выдохнула. За «Людку» всем присутствующим, включая самого Березкина, мало бы не показалось. Она озадачено глянула на Штеймана, тот моргнул. Это могло означать только одно: власть в институте очередной раз переменилась. Видимо, только что вернувшийся из командировки в Москву Березкин, был не совсем в Москве, а ночевал у Ираиды, а то и вовсе у какой-то новой пассии. Елена Михайловна подумала, что Березкин со своими бабами уже надоел ей до чёртиков, и после Нового года, пожалуй, стоит подумать о том, чтобы перейти в компанию главных конкурентов, которую в перестроечные времена организовал бывший настоящий главный технолог их института Маркин. Она с трудом досидела до конца совещания, потом, матерясь, отстояла два часа в предновогодней пробке, потом уже материлась в придворном магазине, где пресловутая предновогодняя «корова» слизала языком все необходимые продукты даже по бешеным ценам, так называемой, шаговой доступности. Домой она добралась сущей мегерой.

* * *

Валентина Григорьевна Смирнова, пенсионерка шестидесяти двух лет отроду, с некоторых пор не то чтобы ненавидела, но откровенно побаивалась и недолюбливала мужчин. И совсем даже не от того, что её можно было бы заподозрить в оголтелом феминизме или какой-нибудь не той ориента-

ции. Ориентация у Валентины Григорьевны была самая, что ни на есть та, какая и положена, то есть, традиционная такая вполне себе симпатичная ориентация. А вот нелюбовь к противоположному полу возникла в ней из-за того, что все мужчины, существовавшие в её жизни, так или иначе из этой жизни утекали, или, как выражалась Валентина Григорьевна, сдристывали. Причём не просто утекали, а делали это обязательно каким-то обидным способом. Особенно Валентину Григорьевну подкосило, когда её драгоценный супруг после тридцати пяти лет совместной жизни собрал вещички и ушел от неё к девице, годящейся ему в дочери. Валентине Григорьевне на тот момент исполнилось всего пятьдесят пять, и сама она была ещё ого-го, даже ого-го-го-го-го-го, чего не скажешь о её супруге. Это, каким же болваном надо быть, чтобы при наличии обширного пуза, отдышки, жопкиных ушей, тройного подбородка и трех волос на голове думать, что все девки вокруг просто млеют от него, а не от его кошелька? Надо сказать, что Валентина Григорьевна и себе в этой ситуации удивлялась ничуть не меньше. Это ж какой дурой надо быть, чтобы прыгать тридцать пять лет вокруг этого болвана? Честно так прыгать, как положено у приличных людей, и в горе, и в радости, и в бедности, и в богатстве, и в здравии, и в болезни. Ага! Только в богатстве прыгать вокруг этого проходимца ей пришлось не очень долго. Так что в богатстве и старости он будет со своей чёртовой куклой. Правда, следует отметить, что Валентина Григорьевна

постаралась откусить от совместно нажитого так, чтобы коварной разлучнице и её прекрасному герою-любовнику досталась одна ботва. В смысле долги, ну и чутка недвижимости. Однако герой-любовник выкрутился, долги погасил и до сих пор со своей профурсеткой наслаждается. Ребеночка даже завели. Ребеночек получился не совсем удачный, так что Валентина Григорьевна даже не засомневалась, что сей ребеночек этому проходимцу родной. Ведь такому старому пню уже с правнуками нянчиться самое время, а не деток строгать. Ясное дело, что после ухода из семьи бывший примерный отец и дедушка про дочку и внучку вспоминает теперь редко, только по праздникам, и то не всегда.

Вот потому Валентина Григорьевна и невзлюбила мужчин, считая их всех поголовно изменщиками и предателями, а то и вовсе дураками. Как, например, бывший зять. Правильно говорят в народе «зять – ни дать, ни взять». Бестолочь несусветная. Как это Ленка умница и красавица в такого раздолбая и прожектера вляпалась? Нет, вещает-то он обычно правильные вещи, любо-дорого послушать, прям, как президент наш. Только вот не делает ни хрена. Тоже, как и тот. Сидит и ждет, что всё само образуется. А само почему-то никак не образовывается. Хоть каждый день в дзен ходи, медитируй и заклинай там высшие силы. Высшие силы смотрят сверху, ухмыляются и намекают на лопату. Удачу тебе прислали, так иди, копай и окучивай, не то просрёшь всё, что сверху дадено.

Или вот старого приятеля Валентины Григорьевны её одноклассника Трофимова взять. Ах, какой у них тогда был роман! Настоящий пожар. Трофимов тоже утёк от неё сразу после школы, переехал с родителями в Москву, там и поступил в институт, а потом вдруг взял и женился. Гад! Нет, конечно, если честно, то сначала Валентина Григорьевна замуж выскочила за своего Смирнова. Первая. А чего, сидеть и ждать, когда этот гад сподобится? Так всю жизнь прождать можно! А тут Смирнов, откуда ни возьмись, с серьёзными намерениями. Тоже ничего весь из себя такой был, высокий и обаятельный. Кто ж знал, что болван, подлец, проходимец и бабник?!

Но в отличие от остальных Трофимов хоть умный, чёрт! Карьеру сделал. Жена, дети, внуки все в шоколаде, дай бог каждому, а всё туда же. Утёк-то утёк, а клинья к Валентине Григорьевне подбивает вот уж лет сорок, а то и больше. Казалось бы, ты, братец, определись уже, чего хочешь? Ведь Валентина Григорьевна, чай, с пятидесяти пяти лет девушка свободная. Ну, периодически, прямо скажем. Было там разное…. Ан, нет! Трофимову просто нравится вот так говном в проруби сорок лет болтаться. Романтизма у него такая.

Так что Валентина Григорьевна с определенного момента решила уже жить исключительно для себя, в полное своё удовольствие. Общаться, с кем захочет, путешествовать, куда захочет и когда захочет, выпить, если захочет, а то и даже покурить иногда, если уж очень приспичит. Соответственно,

и в том, что её единственная дочка пока проживает в одиночестве без пары, Валентина Григорьевна ничего плохого не видела. Как-нибудь без дураков, подлецов, бабников и предателей обойдется. Меньше плакать будет. Подумаешь, одиночество! Скоро Дашка внуков ей нарожает, и никакого одиночества не будет. Успевай поворачиваться. Вот только Дашка пока не замужем. С одной стороны это тоже хорошо, но с другой-то внуки для Ленки без Дашкиного замужа никак не образуются.

Предновогодние дни выдались для Валентины Григорьевны весьма хлопотными. Парикмахерская, разумеется, маникюр с педикюром, вот, считай, и вся пенсия тю-тю. Ох, если бы Валентина Григорьевна жила на одну пенсию, то ходила бы она старая, седая и лохматая, а то и вовсе сдохла бы давно, ведь квартплату если заплатил, то хрен от той пенсии на лекарства останется. Валентина Григорьевна на пенсию никогда не рассчитывала, дали какую-никакую и на том спасибо. Всё лучше, чем вовсе без пенсии проживать. Какого ляда тогда, спрашивается, все эти отчисления в пенсионный фонд со вполне приличной зарплаты делались? Так что, рассчитывать мы на государство не будем, но наше, будьте любезны, нам вернуть!

Существовала Валентина Григорьевна, причём вполне безбедно, за счёт посуточной сдачи в аренду двух своих квартир, которые купила на вырученные при разводе деньги. Вернее, при разводе она урвала для себя совместно нажитую

большую квартиру в Центре, которую вовремя продала на пике цен, и вместо неё купила две маленькие квартиры, тоже в Центре, уже когда цены существенно упали. Хотела третью квартиру купить, но побоялась рисковать. Случись что, квартиру в три секунды не продашь, а деньги есть деньги. Их Валентина Григорьевна, как советовали по радио грамотные экономисты, разбила на три кучи, и рублевую кучу разместила в банках на депозитах. Получилась ещё одна прибавка к пенсии. Проживала же Валентина Григорьевна в квартире, доставшейся ей по наследству от собственной матери, и потому разделу при разводе не подлежащей. Она б и эту квартиру сдала, но где тогда, спрашивается, самой жить? Не с Ленкой же и Дашкой?! Это ж умом рехнуться надо, чтобы с собственной дочерью кухню делить. Кухню делить Валентина Григорьевна ни с кем не желала. Ни кухню, ни свои банковские счета, ни жилплощадь, где у неё царил идеальный порядок. Ведь нерях, грязнух и пачкух Валентина Григорьевна тоже недолюбливала, поэтому и не завела до сих пор котика, как это сделали практически все её приятельницы. От котика непременно случается грязь и беспорядок, микробы опять же, да ещё и проблема возникает, куда его пристроить, если вдруг надо поехать за границу на экскурсию или пляж. Пляж и море Валентина Григорьевна просто обожала.

Для поездок на экскурсии или пляж у Валентины Григорьевны имелись приятельницы без котиков. Не с Ленкой же или с Дашкой ездить на море?! У них на том море интересы

совершенно противоположные. Им молодых кавалеров подавай, а Валентина Григорьевна на пляже любит на ровесников и ровесниц посмотреть, на их телеса обширные, сморщенные лица и задницы, то есть, на полный бесперспективняк. Глядя на всё это безобразие, Валентина Григорьевна лишний раз убеждается, что ей сильно повезло с разводом. Пусть девицы жадные за этими старперами ухаживают, подают им стаканы воды с таблетками да клизмы ставят. И Трофимов пусть себе тоже молодую жадину найдет, чтоб жене голову не морочить.

После парикмахерской Валентина Григорьевна вернулась домой в отличном настроении и решила позвонить дочери, чтобы узнать, когда за ней заедут для выезда в хибару. Надо ж подготовиться. Конечно, она могла бы и на собственном автомобиле поехать, но кто ж на «БМВ» на дачу ездит? Вернее её машина не для такой дачи. Её машина для нормальной дачи, куда доехать можно по асфальту. Но нормальная дача при разводе отошла этому подлецу, болвану, бабнику и проходимцу.

На звонки Ленка долго не отвечала, а потом рычала на родную мать так, как будто её лишили новогодней премии. Оказалось, что всего-то в пробках постояла да в магазине ничего не купила. Зато Валентина Григорьевна в магазине всё купила. Еще и пельменей домашних налепила полную морозилку. А потому что заранее надо позаботиться! А чего не купила дорогая мамочка, то можно купить в гипермаркете

на кольцевой по дороге в хибару. И нечего тут на ровном месте проблему организовывать. Вечно у молодежи какие-то проблемы.

* * *

К своей хибаре девушки Смирновы подъехали, когда уже стало смеркаться. Напротив, на соседней давно заброшенной даче царило оживление. Перед домом на расчищенной площадке стояли три дорогие машины.

– Купил что ли кто это говнище?! – удивилась Валентина Григорьевна.

– Похоже на то, – заметила Елена Михайловна.

– Машины дорогие, значит, перестраивать будут, а то и вовсе снесут, – высказала предположение Дарья.

Соседский дом принадлежал кому-то, кто давно умер, и кого никто из Смирновых в глаза никогда не видел. Дом был не так уж и плох, тоже имел удобства, но морально давно устарел, как и хибара девушек Смирновых. Правда, у хибары Смирновых имелся какой-никакой забор, а у соседнего дома даже забора не было. Зато участок к дому прилагался большой и красивый, с соснами и елями. И вполне вероятно, что люди с такими дорогими машинами позарились именно на участок. Снесут старый дом и воздвигнут дворец или замок.

Перед въездом на участок Смирновых высилась огромная куча снега. Декабрь в этом году случился снежный, и види-

мо трактор чистил дорогу не один раз, вот куча-то и накопилась. Елена Михайловна остановила машину перед кучей и заглушила мотор.

– Разумеется, лопаты у тебя в багажнике нет, – язвительно заметила Валентина Григорьевна.

– Может, Дашка перелезет как-нибудь через забор, откроет дом и перекинет нам сюда лопату? – как-то очень жалостно и неуверенно предложила Елена Михайловна.

– Нет! Лучше мы с бабушкой возьмем тебя за руки и за ноги, перекинем через забор, а ты уже там лопату в руки и айда въезд расчищать! – Дарья вышла из машины, хлопнула дверью и пнула кучу снега.

– Вот когда у тебя будет собственная машина, я специально буду вместе с тобой на ней ездить, чтобы дверями хлопать изо всех сил, – заметила Елена Михайловна, следом за дочерью выходя из автомобиля.

– Значит, придётся мне всю жизнь без автомобиля обходиться, – буркнула Дарья.

Валентина Григорьевна тоже выбралась из машины, скрестила руки на груди и уставилась на снежную кучу.

– Сейчас бабуля помедитирует, и куча сама собой рассосется, – сообщила Дарья.

– Или примчится прекрасный принц на экскаваторе и разгребет всё моментом, – высказала предположение Елена Михайловна.

– Это вряд ли, бабуля принцев не жалует.

– Я свинопасов не терплю, – сообщила Валентина Григорьевна. – Ты б председателю позвонила, может, пришлет кого, – посоветовала она дочери.

– Чего тут у вас? – раздался мужской голос, и девушки дружно обернулись. Перед ними стоял молодой человек сказочной красоты, с виду точно настоящий принц, правда, никакого экскаватора позади него не просматривалось. Дарья расплылась в улыбке.

– Здрасьте! – принц оказался ещё и воспитанным, поздоровался.

– Здрасьте! – хором поздоровались Смирновы.

– Да вот, не проехать никак, завалило всё, – сообщила Дарья странным голосом, чем вызвала явное удивление Елены Михайловны, у которой при звуках этого, прямо скажем, ангельского пения аж брови поползли кверху.

– Папа, папа! Ты чего там застрял? – послышалось с участка напротив. – Мама ждет!

Из приоткрытой двери соседского дома показалась детская головка.

– Иду, милая! Закрой дверь, а то простудишься, – прокричал в ответ прекрасный принц.

Дарья странно потемнела лицом и отвернулась, явно потеряв к принцу интерес.

– Я сейчас, батю позову, он вам поможет, – сообщил принц Смирновым и помчался к одной из машин, откуда вытащил какие-то продуктовые пакеты, после чего исчез в до-

ме.

– Батю он позовет! Деревенщина, – фыркнула Дарья.

– Симпатичный, – сообщила Елена Михайловна куда-то в пространство.

– Осталось дождаться «батю», и золотой ключик наш, – справедливо заметила Валентина Григорьевна.

Все трое уставились на соседский дом. Через несколько минут из дома показался мужчина средних лет, он махнул Смирновым рукой и ушёл куда-то за дом. Потом вернулся с аппаратом, похожим на газонокосилку.

– Снегоочиститель! – сообщила присутствующим Елена Михайловна.

– Неужели! А мы думали экскаватор, – фыркнула Валентина Григорьевна.

Когда мужчина подошел поближе, Смирновы, наконец, разглядели «батю» прекрасного принца. «Батя» не подкачал. Крепкий такой дядечка, плечистый, высокий, без какого-либо даже намёка на брюшко, свойственное мужчинам после сорока, в свитере крупной вязки и джинсах. Голова полностью седая, короткая стрижка и красивое вопиюще мужское немного суровое лицо, то самое, которое седина, морщины и даже шрамы ничуть не портят, а наоборот только украшают. Но самым замечательным и примечательным на лице «бати» оказались глаза. Ярко синие, насмешливые и слегка, в меру, нагловатые. Так что, это еще вопрос, кто из соседской семейки настоящий прекрасный принц.

– Здравствуйте, красавицы! – поприветствовал собравшихся «батя» и включил снегоочиститель, тот взревел и накинулся на снег.

Красавицы в восхищении замерли.

– Меня Юра зовут, – сообщил «батя», перекрикивая рев снегоочистителя.

– Мена Лена, – сказала Елена Михайловна, когда снегоочиститель, наконец, заткнулся. – А это Валентина Григорьевна моя мама, а это Даша – моя дочь.

– О! А я думал вы подружки или сёстры! Приятно познакомиться, – «батя» Юра шаркнул ножкой.

Дарья и Валентина Григорьевна дружно присели в книксене.

– Давайте ключи, я вам ворота открою и площадку для машины расчищу.

Елена Михайловна достала из сумки ключи и протянула их «бате». Он быстро открыл замок, с которым Елена Михайловна обычно возилась минут по десять, и легко распахнул ворота, после чего быстро расчистил площадку под машину и подход к крыльцу. При этом Елена Михайловна в несвойственной ей манере суетилась вокруг этого «бати» и чего-то щебетала про погоду. Валентина Григорьевна и Дарья стояли в отдалении и наблюдали за процессом со странными кислыми лицами.

– Ворота не закрывайте на всякий случай, вдруг снег опять пойдет, да примерзнут ещё, потом не открыть будет.

У вас они очень низко посажены, как вы их вообще открываете, непонятно.

– А мы всей семьёй наваливаемся, – сообщила Валентина Григорьевна. – Как бабка с Жучкой на репку.

– Вы бы нам ещё дорожку к дровянику почистили, – Дарья повелительно махнула ручкой.

– Ну, уж нет! – «Батя» удивленно взглянул на Дарью и направился к выезду с участка.

– Сколько мы вам должны? – вдруг поинтересовалась Валентина Григорьевна.

Елена Михайловна разинула рот, «батя» запнулся и замер, потом внимательно посмотрел на Валентину Григорьевну и весело сказал:

– Пятьсот рублей!

Валентина Григорьевна полезла в сумочку за деньгами.

– Господи! – Елена Михайловна аж подпрыгнула на месте. – Мама, прекрати немедленно! Юрий, извините, ради бога, моя мама не в себе от счастья. Спасибо вам огромное!

– Обращайтесь. – «Батя» хмыкнул, пожал плечами и удалился.

– Да вы стервы! Обе! – сказала Елена Михайловна, когда он скрылся в своем доме.

– А чего он, – Дарья сделала круглые глаза.

– Чего? Чего он? Марш в дом за лопатой и чистить дорожку к дровам! – скомандовала Елена Михайловна. – А ты, – она повернулась к матери. – Ты….

Не договорив, Елена Михайловна села в машину, переставила её на расчищенную «батей» площадку, заглушила мотор, открыла багажник, взяла в обе руки сумки и понесла их в дом.

– Я буду топить печку, – виноватым голосом сообщила Валентина Григорьевна, тоже нагрузившись в свою очередь пакетами.

Дарья к тому моменту уже вооружилась лопатой и с остервенением чистила дорожку к дровам.

– Зуб даю, что женатый, – ворчала она, раскидывая снег. – А туда же!

К вечеру в хибаре стало тепло. Поужинали вкуснейшими домашними пельменями Валентины Григорьевны, выпили вина, Елена Михайловна слегка оттаяла и перестала дуться на родственниц.

– Леночка! Не обижайся, деточка моя, – вещала Валентина Григорьевна, разливая вино. – Я же тебя знаю, увлечешься, вон, как вокруг него запрыгала, и глазки засветились, а он наверняка женат, будешь потом расстраиваться.

– Но это ж не значит, что хамить надо! – справедливо возмутилась Елена Михайловна. – И потом ещё неизвестно, вдруг не женат?

– Ха! Ты погляди на него! Не женат он. Слишком холёный для неженатого.

– Все они сволочи женатые! – подлила масла в огонь Дарья.

– Уж ты бы молчала, – рыкнула на неё Елена Михайловна. – Это в моём возрасте все вокруг женатые. А тебе грех жаловаться, у тебя ещё всё впереди.

– Ага! Всё впереди! Почему тогда те, кто мне нравятся, все женатые?

– Кто все? Ну, кто все?

– Все! – Дарья залпом допила вино. – Пошли спать уже, а то я вас знаю. Ни свет, ни заря начнете – Даша то, Даша сё!

– Вот уж нет! Завтра спим, пока не надоест, – радостно провозгласила Елена Михайловна. – И никаких будильников!

– Ага! Плавали, знаем, – фыркнула Дарья. – Тебе часов в восемь утра уже спать надоест. У тебя внутренний будильник сработает.

– Предлагаю составить план, – вставила Валентина Григорьевна. – Когда подъем, завтрак и всё такое. Кто, что делает. Ведь подготовка к празднику и сам праздник должны идти по плану, иначе досадные недоразумения нам этот праздник испортят.

Из этого замечания Валентины Григорьевны стороннему наблюдателю стразу стало бы понятно, отчего Елена Михайловна Смирнова такая исполнительная и пунктуальная.

– Подъем в десять утра…, – Елена Михайловна загнула один палец.

– Что?! Бабуль, ты слышала? Это «спим, пока не надоест»?

– Хорошо! В двенадцать.

– Продолжай, – милостиво разрешила Дарья.

– Завтракаем, чем Бог пошлет, – Елена Михайловна загнула второй палец.

– А что нам завтра Бог пошлет на завтрак? – поинтересовалась Валентина Григорьевна.

– Бутерброды с икрой, рыбой, колбасой, сыром, бужениной. На выбор.

– Идёт, так и быть, – согласилась Валентина Григорьевна.

– Потом вы с Дашкой наряжаете ёлку, – Елена Михайловна загнула третий палец, – а я тем времени режу «шубу» и «оливье», запекаю утку, – она загнула четвертый палец.

– Потом все дружно спим перед телевизором, накрываем на стол, всё съедаем и идем во двор запускать салют, – подвела итог Дарья.

– Отличный план! – согласилась Валентина Григорьевна.

План выполнили в точности. Ёлка удалась нарядом и подмигивала гирляндой, кроме того Дарья прокопала в снегу дорожку и расчистила площадку для запуска салюта в дальнем конце участка подальше от дома и поближе к лесу. Салют оказался вполне приличным, и семейка Смирновых ахала и визжала с большим удовольствием, глядя на рассыпающиеся в тёмном небе огни. Салют у новых соседей был на порядок мощнее и дольше, так что Смирновы поахали и повизжали ещё некоторое время, уже совершенно забесплатно.

– В следующем году на салюте можно сэкономить, – ре-

зюмировала Валентина Григорьевна, когда соседская канонада, наконец, отгремела.

– Ну, уж нет! – возразила Дарья. – Мне Валерик обещал салют со скидкой. Купим не хуже. Они ещё обзавидуются!

– Зачем тебе надо, чтоб они обзавидовались? – поинтересовалась Елена Михайловна. – И кто такой Валерик?

– А чтоб не думали, что они самые крутые!

– Почему ты решила, что они этим очень озабочены? Может, им на это наплевать? Нормальным людям должно быть безразлично, что о них думают остальные.

– Где ты видела таких нормальных?

– Минуточку! По-моему кто-то замылил вопрос про Валерика, – вставила Валентина Григорьевна. – Всё-таки он кто?

– Никто, – Дарья махнула рукой. – Правда, никто.

– Тогда пошли спать!

– Неужели мелодии и ритмы зарубежной эстрады смотреть не будете? – Дарья ухмыльнулась.

– Да чего их смотреть? У той эстрады песок уже высыпался. И у нашей, и у зарубежной. – Валентина Григорьевна тяжело вздохнула и пошла к дому.

Первого числа опять спали, сколько влезет, то есть, пока не надоест, и питались, чем Бог послал, а именно остатками вчерашнего застолья. Погуляли по посёлку, посмотрели на новые дома, посетовали на то, что на приличный дом у Елены Михайловны всё время почему-то не хватает денег, после прогулки опять поели и дружно заснули под грохот оче-

редной соседской канонады. Наверное, из-за этого, а может быть из-за прогулки на свежем воздухе и крепкого сна совершенно не слышали, как за окном разыгралась метель и со страшным треском рухнула береза перед въездом. Березу обнаружили только тогда, когда уже выкатились из дома с вещами для посадки в машину. Береза лежала поперек выезда с участка, удивительным образом аккуратно улегшись между машиной Елены Михайловны и воротами. Ни ворота, ни машина ни капельки не пострадали. Однако выезд с дачи оказался в результате этого делом совершенно немыслимым. Девушки Смирновы дружно ахнули.

– Тут без «бати» уже точно не обойтись, – справедливо заметила Валентина Григорьевна.

– Вот иди к нему теперь и проси, – предложила Елена Михайловна. – Главное, не забудь ему пятьсот рублей пообещать. А то сразу видно, что они ему нужны дозарезу!

– Ну, мам, ладно тебе, – заныла Дарья. – Сходи уже, он тебе точно не откажет. Ты ж ему понравилась. Заодно посмотришь, есть ли там жена. Вдруг и правда нет. Кстати, там двух машин у них нет уже. Уехали.

– А вдруг это он уехал?

– Нет, не он. Уехала машина его сыночка, он из неё продукты прошлый раз вытаскивал. И вторая маленькая, он в такую точно не поместится. Самая большая осталась. Иди уже.

– Господи! Ну почему все мной командуют? – возмути-

лась Елена Михайловна.

– Не все.

– Ну да, всего лишь две мегеры. Старая и молодая.

– Про Поддубного своего забыла. Или как его там? Подберезовикова, – в очередной раз справедливо заметила Валентина Григорьевна. Воистину мама зря не скажет.

Елена Михайловна тяжело вздохнула, с трудом перелезла через упавшую березу и пошла к соседскому дому. Сначала она заглянула в окно, явно ничего там не увидела и поднялась на крыльцо, затем вежливо постучала в дверь. Это не произвело на дверь никакого впечатления, поэтому Елена Михайловна осторожно подергала дверную ручку. Дверь оказалась заперта, тогда Елена Михайловна постучала ещё раз, уже сильнее, но всё с тем же эффектам. Она развернулась в сторону собственного дома и закричала:

– Нет никого! Наверное, уехали.

В этот момент дверь позади неё распахнулась, и кто-то втащил её внутрь помещения. Елена Михайловна взвизгнула и обернулась, перед ней стоял «батя» в полосатом домашнем халате.

– Чего визжите? Я вас есть не собираюсь, – сказал он, зевая. – Просто быстро надо заходить, чтоб дом не выстуживать. Чего там у вас опять?

– У нас береза. Поперек дороги легла. Нам не выехать. Может у вас есть, чем её того…, – Елена Михайловна изобразила руками нечто, что по её мнению означало распил бе-

резы и уборку её с дороги.

– У меня всё есть. Как в Греции, – сообщил «батя». – И пятьсот рублей, кстати, тоже имеются. Чем расплачиваться будете?

Елена Михайловна явно опешила от подобной наглости, даже рот приоткрыла и глаза вытаращила.

– Тут работа серьёзная, не на пять минут, – продолжил меж тем «батя». – Утомлюсь, проголодаюсь, а дети мои всё подъели и уехали. Дома шаром покати. Так что с вас ужин.

– Ужин никак не могу. – Елена Михайловна даже для убедительности помотала головой. – Мы в город уезжаем.

– А чего? Работать? Или тоже за границу намылились, как мои? – он опять сладко зевнул.

– Нет. Мне на работу девятого, и я бы с удовольствием на даче пожила, только мои не хотят больше трех дней тут находиться. У дочки вечеринка какая-то сегодня, а мама с подружкой в филармонию идут.

– Ну, как хотите, – «батя» развел руками. – Без ужина не возьмусь!

– Но как же…

– Мамашу с дочкой можно до станции довезти, а дальше сами до города доберутся. Тут ехать-то полчаса, на машине дольше.

– Ой, но они же…

– Чего? Немощные? Вроде не похожи.

– Ну, не знаю.

– Думайте. – Он развернулся и пошёл куда-то вглубь дома.

– Хорошо, я согласна, – вослед ему крикнула Елена Михайловна.

– А что на ужин будет? – он резко обернулся и вернулся назад, глядя на Елену Михайловну с большим интересом.

– Что вы за человек такой, – возмутилась Елена Михайловна.

– Нормальный человек, практичный. А то скажете, что ужин дадите, а сами дрись-брись салат устроите витаминный с рукколой и ещё какую-нибудь чепуху из полуфабриката. Типа соевое мясо. Знаю я вашего брата. Вернее сестру. Все диетчицы.

– Ничего вы не знаете. Щей хотите?

– Кислых?

– Кислых.

– Очень хочу. И котлет домашних. Как у меня мама котлеты делала!

– Хорошо. Будут вам и котлеты, только на станции придется в магазин зайти.

– Вот и отлично. Один момент. – Он исчез из виду и вернулся с ключами и документами от машины. – Вот держите. На эту кнопку нажимаете, ларчик открывается, на эту – наоборот. Смотрите не поцарапайте только мою коробчонку. Остатки прежней роскоши.

– Вы хотите, чтобы я на вашей машине поехала?

– Разумеется! Ваша же березой завалена. Пока ездите ту-

да-сюда, пока ужин готовите, я, глядишь, со злой березой и разберусь.

– Ой! Страшно как-то на чужой машине.

– Это правильно. Значит, будете ехать осторожно и внимательно. Ну, идите уже. Мне помыться надо и принарядиться, а то береза испугается и сама убежит.

Елена Михайловна вздохнула и выкатилась на улицу, где увидела своих родственниц прямо у крыльца.

– Мы с бабулей тебе на подмогу двинули, – сообщила Дарья.

– Молодцы. Несите сюда свои шмотки, поедем, я вас на станцию отвезу.

– Как на станцию? Не поняла юмора.

– Действительно, Леночка, поясни ситуацию. – Валентина Григорьевна нахмурилась. А если Валентина Григорьевна хмурилась, это означало одно, она сердцем чуяла что-то нехорошее.

– Ситуация такова, что мы сейчас грузимся вот в этот чудесный большой автомобиль, – Елена Михайловна указала на машину соседа, – и я вас везу до станции, а сосед наш тем временем будет разбираться с березой.

– Зачем это на станцию? Мы можем и подождать, пока он разберется, а потом все вместе поедем домой.

– Не поедем. Я решила остаться до конца каникул. – Елена Михайловна уставилась куда-то в дальнюю даль, определенно мимо дочери.

– Оба на! Вот это поворот. Значит, я теперь должна тащиться на общественном транспорте, потому что мать родная решила закрутить шуры-муры с подозрительным чуваком? – возмутилась Дарья. – Ты хоть узнала, женат он или нет?

– Как ты это себе представляешь? Захожу, такая, здрасьте, мужчина, вы случайно не женаты? – Елена Михайловна голосом попыталась изобразить блондинку из телевизора. Это ей практически удалось.

– На общественном транспорте, значит. Но это даже забавно, – хмыкнула Валентина Григорьевна. – А что? Идея не так уж и плоха. Давненько я не ездила в электричках. Эти новые с виду выглядят вполне прилично. Приключение, однако.

– Это тебе, бабуля, приключение! А чего я дома есть буду до конца каникул?

– Ах, бедняжка! Но ты можешь у меня пока перекантоваться и питаться, чем Бог пошлет.

– Ну, разве что… Главное не растолстеть, а то у тебя вечно Бог мне посылает чего-нибудь вкусненькое.

При загрузке в соседский автомобиль между Смирновыми приключился ещё небольшой спор, кто будет сидеть на соседнем с водителем сиденье, но он быстро сошёл на нет, потому что Валентина Григорьевна отобрала у Елены Михайловны ключи и сама уселась за руль. Довольная Даша взгромоздилась рядом. Именно взгромоздилась, потому, что

автомобиль «бати» представлял собой практически дом на колесах.

– Ну, и сараище! – с восторгом в голосе заметила Валентина Григорьевна, выезжая из соседского двора. – Приличные люди на таких не ездят.

– Почему это? – пискнула Елена Михайловна с заднего сиденья.

– Этот автомобиль, если ты не знала, в народе именуется «колхозником», любимая модель российских нефтяников.

– А нефтяники, по-твоему, неприличные? – Елена Михайловна даже уже собралась обидеться за нефтяников, так как знала многих из них и ничего особо неприличного за ними не замечала.

– Они неприлично богатые! Интеллигентные люди своё богатство не выпячивают.

– Бабуль, где ты видела богатых интеллигентных людей?

– Твоя бабушка, – пояснила Елена Михайловна, – имела в виду себя. Она, будучи интеллигентной женщиной, не выпячивает свое богатство, а скромно ездит на автомобиле марки «БМВ», стоимостью с неплохую квартиру.

– Сказала тоже! – фыркнула Валентина Григорьевна. – С неплохую! С однокомнатную!

– Но в хорошем районе.

– В спальнике.

– В приличном спальнике.

– Да кому она нужна однушка в приличном спальнике,

если ее посуточно сдать нельзя?!

На станции Дарья и Валентина Григорьевна были успешно отправлены в город на электричке, а довольная этим и нечаянной свободой Елена Михайловна отправилась в станционный супермаркет. Там она была приятно удивлена широким ассортиментом товаров и одновременно с этим сильно огорчена тамошними ценами. Пришлось потратиться, так как кроме запланированного ужина, ей теперь необходимо будет чем-то питаться в хибаре оставшиеся от каникул дни. Она наполняла тележку и думала, как хорошо, что осталась. Разумеется, интересный сосед и приключения с березой играли в этом деле важную роль, но и просто побыть на природе впервые без мамы и Дашки тоже неплохо. Как это ей раньше в голову не пришло? Елена Михайловна представила, как будет гулять по посёлку, размышлять о разумном, добром и вечном, как достанет с чердака старые детективы и будет читать их, сидя у печки, или просто сядет и будет смотреть на огонь. Эх, хорошо бы завести камин! Уж это-то она может себе позволить, но что толку устанавливать камин в хибаре? Это всё перестраивать надо. А лучше снести. Так что и у печки с открытой дверцей можно посидеть. Пока. И помечтать, как когда-нибудь она себе всё-таки построит новый дом. А ещё оставшиеся дни она будет спать именно столько, сколько захочет. Хоть в шесть утра встанет, хоть в десять. Ну, и телевизор ещё никто не отменял. Должны же там хоть на новогодние каникулы что-нибудь хорошее показать. Ко-

медию новогоднюю, например. Елена Михайловна очень любила новогодние комедии. Чтоб всё хорошо заканчивалось и ещё немного волшебства, хотя хороший конец – это и есть волшебство в чистом виде. Жалко, что кота у неё нет. Кот бы ей точно не помешал. Сел бы на колени и делал бы так: тур-тур-тур-тур. Красота!

Елена Михайловна подкатила полную тележку к кассе, расплатилась, загрузила покупки в обширный багажник соседской машины и в таком вот мечтательном настроении подъехала к дому. Тут только сообразила, что едет на чужой машине. Надо же, как размечталась, что даже разницу в габаритах не почувствовала.

У дома работа по очистке территории от березы шла полным ходом. Ревела бензопила, а береза уже без веток походила на аккуратное бревно, которое «батя» методично распиливал на одинаковые колобашки. При виде Елены Михайловны он прервал работу и помог ей перенести покупки в дом. Ключи и документы от машины велел ей пока оставить у себя, чтоб не потерять. Мол, не до того сейчас.

Елена Михайловна разобрала продукты и приступила к приготовлению ужина. Кислые щи являлись коронным фамильным блюдом Смирновых. Все овощи обязательно обжаривались, включая кислую капусту, картошка варилась отдельно, а потом толклась в пюре и только после этого помещалась в щи. Ну, про котлеты и говорить нечего, тем более мясо в супермаркете оказалось свежим и качественным.

Котлеты готовились тоже по фамильному рецепту: пятьдесят процентов свинины, пятьдесят говядины, разумеется, лук и обязательно булочка, размоченная в молоке, а также перед жаркой слегка в муке обвалять. Недолго думала Елена Михайловна и о гарнире. Запекла гречку в духовке и добавила туда жареного лучка. Так что ужин получился знатный, для настоящего работника.

Когда работник, наконец, покончил с березой, в доме стояли такие волшебные ароматы, что он определенно должен был бы просто захлебнуться слюнями.

– О! – Он повел носом и сглотнул слюну. – Похоже, не зря я вам ещё дров из березы наколол и в дровяник сложил. Там справа в отдельную поленницу, пусть сохнут. В следующем году топить ими будете. Сейчас пойду, сполоснусь, только не уходите никуда.

– Так и быть! – Елена Михайловна помахала ему поварешкой.

Вернулся он довольно быстро с бутылкой водки наперевес.

– Вы уж меня извините, но у вас тут так пахнет, что я водки выпью!

– Вы, случайно не алкоголик? – Испугалась Елена Михайловна.

– Алкоголик, конечно! А как вы догадались?

– Ну, алкоголизм – болезнь века! Сейчас алкоголиков развелось, как собак нерезаных. Я по стране много езжу, вижу.

Среди мужчин старше сорока полно вашего брата. Кто подшит, а кто просто под забором валяется. Так сказать, в натуральном виде.

– Я пока не подшит, но если желаете, могу у вас под забором полежать, у меня-то даже забора путного нет, чтоб лечь. А зачем обязательно под забором? Там же холодно.

– Это народная традиция такая, практически скрепа. – Елена Михайловна налила ему большую тарелку щей и положила туда ложку сметаны. Перед тарелкой поставила стопку для водки. – Ешьте, а то остынет.

– А вы? – Он налил себе рюмку и вопросительно посмотрел на Елену Михайловну.

– Да, я напробовалась, пока готовила.

– Ну, нет, так не годится, – он отодвинул тарелку, – ещё отравите. Как говориться, «испробуй ты из моего кубка»!

Елена Михайловна хмыкнула, пожала плечами и налила тарелочку себе. Поменьше, конечно.

– И рюмку себе тоже ставьте! – скомандовал «батя». – Или вы, как эти манерные барышни, только шампанское уважаете?

– Ну, почему же? – Елена Михайловна поставила рюмку и себе. Пока он наливал, думала, знал бы этот наивный провокатор, с кем имеет дело. Вся Западная Сибирь, можно сказать, все заказчики и подрядчики знали: Елена Михайловна Смирнова пьёт водку наравне с мужчинами и при этом совершенно не пьянеет. Такое вот устройство организма. От

вина опьянеть может, но слегка, от шампанского тоже, а от водки? Да никогда!

– За березу! – предложил тост «батя».

– За березу, – согласилась Елена Михайловна.

Чокнулись, выпили, приступили к щам. Щи в тарелке работника исчезли в мгновение ока. Ел он быстро, кряхтел одобрительно и чуть тарелку языком не облизал, но вовремя остановился.

– А добавки можно?

– Можно. – Елена Михайловна улыбнулась и налила добавки.

Опять выпили за березу.

Вторая тарелка исчезла тоже моментально.

– Уффф! Еще хочу, но не буду, а то котлеты не влезут. – Сообщил «батя» и похлопал себя по животу. Вернее по тому месту, где ему полагалась быть. Елена Михайловна давно уже мысленно поставила плюсик его спортивной фигуре. Она выдала ему большую тарелку с гречей и котлетами. Ну, и себе тоже положила чуть-чуть.

«Батя» разлил водку.

– Ну, теперь уж за знакомство! – предложил он.

Елена Михайловна согласилась.

Он расправился с гречей и котлетами так же молниеносно, как до этого сделал это со щами. Ухнул, крякнул и с тоской во взоре поглядел на пустую практически чистую тарелку.

– Главное вовремя остановиться! – Он налил себе еще

стопку, подлил и Елене Михайловне. – Ну, как говорится, на посошок! – опрокинул в себя рюмку и посмотрел на Елену Михайловну с прищуром, так и глядел, пока она не выпила свою стопку.

– Пора мне. Там под забором заждались, наверное. Давайте документы с ключами, однако.

– Ах, да! – Елена Михайловна подскочила с места, достала из сумочки документы с ключами от его машины и тут только сообразила, что не удосужилась посмотреть его фамилию и адрес. Конечно, свидетельство на машину далеко не паспорт её владельца, и штампа о заключении брака там нет, но фамилия и адрес уж точно имеются. А это всё ж таки какая-никакая информация.

Он встал, взял у неё ключи с документами, засунул всё в нагрудный карман тёплой стеганой клетчатой рубахи и почесал затылок.

– Там это… Осталось ещё? В смысле щи с котлетами?

– Да, – честно призналась Елена Михайловна. – Ровно столько же. Вам с собой завернуть?

– Ну, что вы! Хотел сказать, вы замечательно готовите. И если согласитесь меня завтра остатками накормить, то я бы вас днем на снегоходе покатал. Вы катались на снегоходе?

– Нет. А у вас и снегоход есть?

– Конечно! Забыли? У меня, как в Греции, всё есть. Ну, как? По рукам?

– По рукам.

– Только это… – он покрутил рукой в направлении ног Елены Михайловны. – У вас штаны какие-нибудь ватные есть? Типа для лыжного катания? На снегоходе лучше в тёплых штанах.

– Отыщем.

– Ну, тогда завтра в час за вами заеду, как раз аппетит нагуляем. Пошёл я. – Он направился к выходу, на полпути остановился, обернулся и скомандовал:

– Водку в холодильник поставьте.

– А то.

– Спасибо, ещё раз!

– На здоровье.

Он, наконец, убрался, а Елена Михайловна подумала, что путь к сердцу мужчины уж точно пролегает через его рот. Она позвонила дочери и поинтересовалась, как у той обстоят дела.

– Всё нормально, – доложилась Дашка. – Я съела всё, что ты мне отвалила с собой с барского плеча, сейчас собираюсь к Маринке в гости, ночевать буду у бабули.

Елена Михайловна ещё раз порадовалась так удачно упавшей березе, убрала со стола, помыла посуду, ведь хибара хоть и с удобствами, но не до такой же степени, чтоб там устанавливать посудомойку. Правда, посудомойка тоже была Елене Михайловне по карману, но её установка требовала некоторого напряжения и суеты. А хибара этого точно не стоила. Закончив с посудой, Елена Михайловна отправилась

на чердак в поисках ватных штанов.

* * *

Даша крутанулась перед зеркалом, тяжело вздохнула и сняла с себя парадно-выходное кружевное платье нежно-розового цвета. К этому платью надо норковую шубу и сапоги на шпильке. Сапоги у неё имелись, но вот шубы не было за ненадобностью. Можно, конечно, мамину шубу надеть, но тогда надо ехать на такси. Не ковылять же на шпильках по обледенелым тротуарам. Еще из-за шубы в спальном районе не ровен час по башке дадут, возвращаться-то поздно. А таксисты…Кто их знает этих таксистов? Завезет куда-нибудь, да накинется. Опять же денег лишних, чтоб за такси платить, у Даши нету, она и так бутылку вина купила. Не с пустыми же руками идти. Можно было бы и не ходить, а сразу к бабуле поехать, но если никуда не ходить и ни с кем не общаться, то можно быстро состариться. Хотя с кем там, у Маринки общаться?

Маринка собирала одноклассников по неслыханному поводу. Родители купили ей квартиру. Подарили на Новый год. Даша, конечно, подозревала, что это та самая пресловутая однушка в приличном спальном районе, про которую сегодня бабуля с мамой спорили, так что и хвастаться-то, наверное, особо нечем, но раз уж сказала, что придет, значит, придет. А в однушку можно пойти и без парадно-выходного пла-

тья. Перед кем там понты кидать? Одноклассники Дашу особо не интересовали. Чего ими интересоваться, если знаешь всех с первого класса? Кто тебя линейкой бил и кто в носу ковырялся, всех прекрасно помнишь.

Даша натянула новые джинсы и надела розовый свитер. Супер. Сверху куртка, на ногах сапоги угги, на голове шапка с помпоном. Розовая. Ни одна сволочь не догонит. Даша сунула в рюкзак сменную обувь, бутылку вина, свитер и домашние треники, ведь ночевать-то у бабули, и выкатилась из квартиры. Удачно получалось, что Маринке квартиру родители купили прямо в том же районе, где жила бабуля, чуть ли не в соседнем доме.

По дороге к метро наперерез ей кинулся какой-то чувак с микрофоном в руке.

– Радио «Вести Петербурга», – прокричал он Даше. – Девушка, с Новым годом вас! Расскажите нашим слушателям, чем вам запомнился прошедший год?

– Ничем хорошим не запомнился, – огрызнулась Даша.

– А чем нехорошим запомнился? – Парень явно не собирался отставать.

– Тем, что дорожки не чистят и песком не посыпают. – Даша, не снижая скорости, энергично продвигалась в сторону метро.

– А чего вы ждёте от наступившего нового года? – Парень, явно попался упорный. Вот прицепился.

– Ничего хорошего не жду! Как не чистили и не посыпали

в прошлом году, так и в этом не собираются. – Тут Даша, словно в подтверждение своих слов, поскользнулась, парень с трудом, но всё же её поймал. – Вот видите!

– Вижу! – согласился корреспондент, не выпуская Дашу из рук. – Безобразие какое!

– Отпустите, – Даша дернулась в сторону.

– Извините. – Парень выпустил её, и она благополучно нырнула в метро.

Уже стоя на эскалаторе, думала, чего побежала? Уж Маринка с девчонками из новой квартиры точно никуда не денутся, а парень вроде симпатичный. Журналист, наверное. И работа у него не сахар. Она представила, как все от него шарахаются и пожалела, что спокойно и обстоятельно не ответила на его вопросы.

Маринкина квартира, хоть и в спальном районе, но оказалась совсем не однушкой. Далеко не однушкой. Только одна гостиная с видом на залив размером с хорошую однушку, метров сорок не меньше. Ну да, Маринкин отец возглавлял строительную компанию. Наверное, из-за кризиса квартиры продать трудно, так хоть дочке подарить. Хорошее дело кризис. Повезло Маринке.

Все присутствующие девчонки были в отличие от Даши именно в парадно-выходных платьях и на шпильках. Даша тяжело вздохнула, сняла куртку, сунула шапку в рукав и достала из рюкзака сменную обувь – розовые, в тон свитера кеды.

Бутылке вина Маринка обрадовалась, пригласила Дашу проходить и не стесняться. Даша с опаской подошла к занимающему одну стену панорамному окну. Штор на окне не предусматривалось, за окном царила полная темень, только вдалеке светилась огнями стройка башни Газпрома. Даше стало страшно, и она ретировалась к столику с закусками. Там она порадовалась, что так удачно перед выходом из дома съела целую банку маминого Оливье. Она взяла себе бокал с вином, сунула в рот какую-то колбасу и задумалась, когда прилично будет отсюда свалить.

– Здорово, Смирнова! – кто-то зашептал прямо в ухо со страшным присвистом.

Это было неожиданно. Даша вздрогнула, чуть вино не расплескала. Рядом стоял Алик Павлов. Тоже, как и Даша в джинсах и свитере, а не в костюме, как остальные ребята. Несмотря на это, на Дашу от него прямо повеяло деньгами. Работа в аптеке научила её отличать богатых покупателей от остальных. Павлов явно был богатым покупателем.

– Здорово, Павлов! Не смей подкрадываться и шептать, а то по балде получишь в следующий раз. У меня какой-нибудь рефлекс сработает, и капец тебе.

– Убедила. Тебе уже сказали, что ты тут самая красивая?

– Я и так знаю! И не только тут. Я вообще самая красивая. И скромная. Очень.

Павлов заржал.

– Я слышал, ты на химика училась? Ну, как тебе хими-

чится?

– Химичу помаленьку в аптеке.

– В аптеке? – Брови Павлова поползли наверх и исчезли за длинной чёлкой.

Даша подумала, что если не знать, что это Павлов, а просто абстрагироваться, представить его Джоном Смитом или Николаем Загогулько, так он вроде и ничего даже. Нет, конечно, всё же не Загогулько, а Ивановым. Просто Иван Иваныч Иванов. Хотя тот, наверняка, «с утра ходит без штанов». Ну, невозможно же вот это! Как только люди ухитряются крутить романы с одноклассниками? Отвечать на вопрос Павлова она не посчитала нужным.

– А тут у Маринки круто! Пойдем, в окно глянем.

– Не пойду. – Даша засунула в рот ещё кусок колбасы. После вина аппетит разыгрался нешуточный. – Мне не понравилось.

– Почему? Это ж клёво.

– Страшно.

– Страшно? Ты упасть, что ли боишься?

– И это тоже. Но мне ещё страшно, что кто-то на нас оттуда из темноты смотрит. Мы его не видим, а сами, как на ладони.

– Кто на нас из темноты на двадцать пятом этаже может смотреть?

– Ну, не знаю. – Даша пожала плечами. – Летающий макаронный монстр, например.

Павлов опять заржал.

– Смешная ты, Смирнова! Давай отсюда свалим.

– Куда?

– Ко мне поедем.

– Зачем?

– Ну, у меня квартира тоже своя, правда, похуже этой, зато сам купил.

– Однушка в спальнике?

– Ага.

– Молодец.

– Ну, чо, поедем?

– Зачем?

– Ну, кино посмотрим, музычку послушаем, то, сё…

– Слушай, Павлов, отвали от меня с музычкой, кином и со всем остальным. То, сё ему подавай! Щасссс!

– Чем это я тебе не нравлюсь?

– Молодой очень.

– А тебе старых пердунов подавай?

– Пердунов не надо, но я предпочитаю тех, кто уже понимает, чего хочет.

Даша вспомнила прекрасного принца, недавно виденного ею на даче, и тяжело вздохнула.

– Женатиками, значит, увлекаешься. – Как будто угадал Павлов.

– Почему это? – возмутилась Даша.

– Потому что все, кто старше меня и не старый пердун,

тот женатик. Хотя и старые пердуны тоже женатики.

– Да ладно!

– Вот тебе и ладно. Останешься одна, хоть и самая красивая, и будешь всю жизнь бояться, что на тебя из темноты макаронный монстр смотрит. У-у-у-у! – Павлов сделал зверскую рожу. – Вспомнишь тогда Павлова, да поздно будет. Я тоже стану женатик.

– Флаг тебе во все места!

Когда она добралась до бабулиной квартиры, то чувствовала себя чертовски голодной.

– Селедка под шубой, оливье, икра ложками и так далее, – сообщила Валентина Григорьевна, открыв Даше дверь. – Новогодний ассортимент – два. Мы люди не бедные.

– Ура! – прошептала Даша и повисла у бабули на шее. С бабулей ей повезло. Факт.

– Ну, рассказывай. – Велела Валентина Григорьевна, когда Даша утолила первый голод и смаковала очередной бутерброд с икрой, запивая его сладким чаем с лимоном.

– Да нечего рассказывать. Павлов опять клеился. – Даша махнула бутербродом. – Сказал, я самая красивая!

– Так и есть, правильно сказал. А ты чего?

– А я не клеюсь.

– Может, зря?

– Может. Но я, бабуль, боюсь самое интересное пропустить.

– Это что?

– Вот смотри, Галина наша в аптеке, ну, которая фармацевт. У неё муж Вовчик. Работает мастером на станции техобслуживания. На дилере. Тойоты там, Лексусы всякие.

– Хорошая работа.

– Ага! Галя очень довольна. Вовчик там уже себе по дешёвке крутую тачку купил из тех, что отдают взамен на новую с доплатой. Забыла, как это дело называется.

– Трейд-ин называется, – подсказала Валентина Григорьевна.

– Точно! Вовчик этот такой весь из себя брутальный, мужиковатый. Прям, как Хавьер Бардем. Ну, это на любителя, конечно, но многим нравится. Еще дача у них, огород и парники. Все выходные там пашут. Не отдыхают, а именно пашут. Это у нас в хибаре шезлонги, гамаки, раскладушки, сосны и ёлки, а у них на даче грядки и пахота. Ещё сын Серёжа имеется, школьник. Галя с ним всё время какие-то уроки делает и проверяет по телефону, поел он или не поел.

– Ну?! И чего плохого? Все так живут. Ну, большинство.

– Да, ничего плохого, конечно. Только я так не хочу.

– А как ты хочешь?

– Не знаю, но это такая скукота. Грядки, уроки, котлеты…. Вот ты уверена, если б за деда замуж не вышла, то ничего более интересного у тебя бы в жизни не было? Или мама? Вон как этот «батя» её зацепил, аж нас на электричке отправила и не дрогнула. Не исключено, что она сама ночью эту березу специально завалила!

– Это вряд ли! – Валентина Григорьевна усмехнулась. – Твоя мать на такую многоходовку не способна. А у меня, если б я за твоего сволочного деда замуж не выскочила, может, с Трофимовым чего-нибудь и срослось. Он ко мне вроде твоего Павлова всю жизнь клеится. Звонил недавно, поздравлял с Новым годом.

– Да ну тебя! Скажешь тоже. Трофимов твой одноклассник. Это не считается. Они вроде братьев, наверное. А ты чего сегодня весь день делала? Опять в Физбуке чатилась?

– Ну, во-первых, я еду вот разную готовила, чтоб тебя накормить. Ты ж вечно голодная. Как это всё в тебя только влезает, и куда девается?! Потом, конечно, в Фейсбуке потолклась. Что-то у меня компьютер долго грузиться стал. Как бы не сломался.

– А ты что, в Физбук через компьютер ходишь?

– А как же?

– Темнота! Давай сюда телефон свой. У тебя ж вроде андроид.

– Разумеется, не айфон, я же пенсионерка, – Валентина Григорьевна протянула Даше свой телефон.

– Не прибедняйся, твой андроид не меньше айфона стоит, да ещё размером с лопату. – Даша взяла телефон и быстро заелозила пальцами по экрану.

– У меня зрение садится, мне большой экран нужен.

– Пароль свой от Фейсбука помнишь? Напиши мне вот тут на салфетке.

– Пароль помню. У меня везде один и тот же.

– А вот это напрасно.

– Вот будет тебе шестьдесят два, тогда поймешь. Тут один бы упомнить, – Валентина Григорьевна сходила в комнату за ручкой и написала пароль.

Даша ещё поелозила пальцами по экрану и с хитрой улыбкой протянула телефон бабуле.

– Наслаждайся. Нажимаешь на значок Физбука, и вуаля! Там ещё мессенджер прилагается, так что и с дружками физбучными сможешь переписываться. Даже с теми, чьих телефонов у тебя нет. Ну, в смысле личка твоя теперь тоже в телефоне. Очень удобно.

– Ух, ты! Кибернетика! – Валентина Григорьевна погрузилась в телефон. – Теперь понятно, чего вы с матерью твоей в своих телефонах вечно уткнутые, одни уши торчат.

– Это что! – Даша зевнула. – Я тебе завтра еще «Телеграм» установлю и «Ютуб». Никакого радио и телевизора не надо. Только тариф придется сменить, чтоб интернета побольше было, но это завтра всё. Что-то спать хочу.

– Иди, заюшка моя! Там тебе всё чистенькое застелено и пижамка твоя любимая приготовлена, с котиками. Завтра спи, сколько хочешь.

– Спасибо, бабулечка. Ты самая лучшая. – Даша поцеловала бабулю в щёку и пошла в свою комнату.

В бабулиной квартире у Даши всегда была своя собственная комната. С самого-самого детства эта комната была в

старой квартире, где бабуля жила с дедом. Когда они с дедом разошлись, и бабуля переехала в новую квартиру, то, само собой, у Даши и тут тоже организовалась своя комната. Ну, не оставлять же деду Дашину комнату! Так что комната переехала вместе с бабулей, вместе с Дашиными детскими игрушками, вместе с пижамками, ночнушками, невероятно уютной кроваткой и пуховыми подушками.

* * *

Валентина Григорьевна убрала со стола, включила посудомойку, приняла вечернюю порцию таблеток, помылась, почистила зубы, намазала лицо питательным кремом и отправилась в спальню. Там она улеглась в свою широченную кровать, намазала кремом руки до самых подмышек и включила телевизор. Под ящик иногда хорошо засыпалось. Она пощелкала каналами и, несмотря на Новогодние праздники, ничего путного не нашла. Пришлось включить радио. Приёмник стоял на прикроватной тумбочке. Из него вражеский голос «Эха Москвы» обычно бубнил Валентине Григорьевне про политику, и она сладко засыпала. Это было старое проверенное средство. Однако, видимо, в силу праздников и отсутствия особо важных событий на вредной оппозиционной радиостанции включили повтор программ, которые Валентина Григорьевна уже знала наизусть. Валентина Григорьевна чертыхнулась и взяла телефон.

Господи! Как же хорошо быть молодым. Вон, Дашка, ест всё подряд и не толстеет, засыпает моментально при каждом удобном случае, всегда свеженькая, ноги не отекают, спина не болит, руки не немеют, живот не вспучивается, еще и в технике легко разбирается, в гаджетах этих новомодных. Валентина Григорьевна, правда, среди своих приятельниц и так самая продвинутая. Уж так собой гордилась, когда Фейсбук этот освоила, а оно вон как оказывается, можно и через телефон!

Она нажала на значок Фейсбука и сразу же оказалась у себя в ленте. Чего там только не было! Знакомый чиновник с женой возлежали на пляже в Эмиратах, одна знакомая дама рассказывала про гороскоп на новый год, приятельница Тамара постила фотки своего кота. Хороший кот, мордатый. Ну, так подрал там, у Тамары дома все диваны и валит регулярно в центре гостиной. Придумают тоже, коты уют создают! Разрушители они, вот кто, котики эти. Валентина Григорьевна заглянула на страничку Трофимова. Так просто, из интереса. Ну, раз уж зашла в Фейсбук, почему не поглядеть? Поглядела. Там Трофимов с женой радовались новогодним каникулам в Альпах. Ишь ты! Лыжники! А ну как шею свернут? Валентина Григорьевна терпеть не могла разные спортивные упражнения и эквилибры. Ей было скучно в тренажёрном зале или в бассейне. А уж на лыжах? Упаси, Господь! Другое дело танцы. И весело, и для фигуры полезно, правда, на прошлом занятии свернула себе спину, перепопсила. В

смысле попой своей крутанула избыточно, пришлось к мануальщику идти. Мануальщик у Валентины Григорьевны хороший, но уж больно дорогой, не набегаешься к нему. Сказал, чтоб попой сильно не вертела. Слишком большая попа у Валентины Григорьевны. Вернее не то чтобы большая, но при узкой талии, которой Валентина Григорьевна всегда гордилась и которую ей удалось сохранить несмотря на климакс, создаётся какой-то там особо сильный крутящий момент, который эту попу из своего места буквально выкидывает, а вот обратно вставить без мануальщика никак. За воспоминаниями о мануальщике перед фотографией счастливого лыжника Трофимова её и застал звонок.

Валентина Григорьевна вздрогнула, как будто её поймали на чём-то нехорошем, и нажала на кнопку ответа. Номер был незнакомым.

– Привет, Малютина! – раздалось из телефона. Голос принадлежал Трофимову.

Малютиной Валентина Григорьевна числилась ровно до девятнадцати лет, когда выскочила замуж и стала Смирновой.

– Привет, – осторожно ответила Валентина Григорьевна. – Что-то ты поздновато.

Она глянула на часы над телевизором. Шёл двенадцатый час.

– Можно подумать, ты спишь? В нашем возрасте положено уже иметь старческую бессонницу.

– Это в твоём возрасте, а я вечно молодая. Забыл? А кроме того я специальные таблетки употребляю и сплю, как ангел.

Старческую бессонницу Валентина Григорьевна перебарывала таблетками из гормонов какой-то там железы, которые ей посоветовала Дашка. Зря, что ли, внучка на фармацевта училась. Тем более, на удивление, таблетки эти не имели никаких противопоказаний. Хотя, кто его знает на самом деле? Вон, в начале прошлого века и морфий считали безвредным.

– На колёсах торчишь, значит!

– Сам дурак.

– Гы-гы. Я тебя хочу на свиданку пригласить.

– И?

– Что и?

– Что, что и? Хочешь пригласить, так приглашай, или спать не мешай.

– Приглашаю.

– Ну?

– Что ну? Ты не пойдешь?

– Вот чёрт! Куда и когда я пойду? Ты ж не сказал!

– Сказал! На сви-дан-ку!

– Тьфу на тебя!

– Значит, не пойдешь?

– Пойду! Мне всё равно делать нечего.

– Это хорошо!

Из трубки раздались короткие гудки.

– Идиот! – рявкнула Валентина Григорьевна. – Пьяный что ли?

Теперь уже сна точно не было ни в одном глазу. Она встала, накинула халат и пошла на кухню. Там прислонилась лбом к холодному оконному стеклу, так и застыла, закрыв глаза. Постояла немного, достала из шкафчика сигареты с пепельницей, налила себе бокал вина и залезла с ногами на широкий подоконник. Внизу трепыхались огни спального района. Хороший район, экологически чистый. Окна кухни выходили на сторону противоположную от вида на залив и башню Газпрома. В этой стороне по проспектам и эстакадам неслись автомобили, жизнь кипела.

Валентина Григорьевна закурила. Делала она это достаточно редко, только в особых стрессовых обстоятельствах. Ну, или когда уж очень хотелось покурить. Вот интересно, когда себя так жалко, что слёзы аж сами собой из глаз капают, это стресс или не стресс? И чего это ей так себя жалко, спрашивается? Ведь всё хорошо. Тепло, светло, сыто. Чего не хватает? А того не хватает! Того самого интересного, которое Дашка боится пропустить. Ей двадцать два, она пропустить боится, а Валентине Григорьевне шестьдесят два, она, выходит, уже всё пропустила! Всё, что могла. Постаралась. Она вспомнила молодость, как Ленка родилась, рахит, ноги колесом, как весь год откладывали, чтоб её к морю на всё лето вывезти. Ехала два дня плацкартным боковым, это от-

дельная история про пьяных дембелей, запах перегара, носков и немытого тела, снимала сарай с двумя железными койками по рублю за койку и чёрными здоровенными тараканами. Тараканы прилагались бесплатно. При воспоминании о тех тараканах Валентину Григорьевну слегка передернуло. Зато ноги сейчас у Ленки ого-го! Но это точно не самое интересное было. Вспомнила, как Ленка руку сломала, а в больницу детям тогда было с матерью нельзя, как прокралась наутро через проходную в белом халате, а Ленка ползает со своим гипсом по полу в коридоре с полными штанами. Обкакалась деточка и описалась не раз. Никто же не переоденет. Вот уж умылась тогда слезами, Ленку намыла, накормила, других ребятишек тоже, полы помыла там везде, из больницы ушла только, когда дети заснули, а на следующий день – снова здорово! Не выдержала, к заведующему отделением пошла, забрала ребенка под расписку, что, мол, к больнице претензий никаких. Это тоже вряд ли самое интересное было. Еще аборт вспомнила. Так уж получилось, обсчитались они тогда с днями этими, а куда второго рожать? Одну бы вытянуть. Пошла в консультацию, там направление дали на улицу Комсомола. Ещё подумала тогда, что все же делают, ну и я пойду. Ага! Маску надели, якобы с газом, а газа-то никакого не дали. По живому резали. Валентина Григорьевна тогда от боли сознание потеряла, вот уж суки эти, врачи которые, здорово перепугались. Но это уж точно совсем не интересное было. Что ещё интересного вспомнить? Ну, на-

верное, как Перестройка началась, и пришлось у кульмана по двенадцать часов стоять, чтоб денег заработать. Ленкин папаша, проходимец Смирнов, тогда без работы остался, вот Валентина Григорьевна и отдувалась за двоих.

– Бабуль! Ты чего это тут делаешь? – Дашка тихонечко отодвинула занавеску, за которой Валентина Григорьевна пыталась остановить свои слёзы сигаретой и вином.

– Предаюсь разврату, разве не видишь? – Валентина Григорьевна постаралась беззаботно ухмыльнуться, наверное, получилось из рук вон плохо, потому что у Дашки на глаза вдруг тоже навернулись слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.